

СИЗИФОВ ТРУД НАРОДА И ПРЕЗИДЕНТА

Вперёд по дороге, ведущей назад

Год — вполне достаточный срок, чтобы различить контуры нашего «нового» политического курса. И эти контуры действительно обозначились совершенно определенно.

Это — подавление Чечни. Это — борьба за установление государственного (что у нас значит — президентского) контроля над СМИ, начавшаяся с введения цензуры на информацию о чеченской войне и продолжающаяся в борьбе с НТВ. Это — централизация госуправления, ограничение независимости глав субъектов федерации, уравнивание в правах национальных республик и русских областей, создание института президентских «наместников», ликвидация Совета Федерации как корпоративного органа, способного ограничивать президентскую власть. Это — борьба с «олигархами» за подчинение президентской власти крупного бизнеса. Это — «центристская» позиция власти, одинаково дистанцирующейся и от «левых», и от «правых», опора на спецслужбы и «силовиков». Во внешней политике — подборание обломков советской сферы влияния вроде Северной Кореи или Ирака.

В целом это — курс на восстановление традиционного для России контроля авторитарной независимой от народа власти над обществом. Новая государственная символика, соединившая российско-имперские и советские символы, вполне адекватно отразила суть этого курса. Путинская Россия объявляет себя исторической преемницей двух империй, третьей ипостасью Великой России. Это направление развития — совершенно естественно. По воле случая человек, очевидно, не имеющий никаких «особенных» личных идей, становится носителем громадной президентской власти, ограниченной хаосом и беспорядком, унаследованными от прошедшей революционной эпохи. Что делать этому человеку? Ясно, что наводить порядок. Во-первых, этого хочет и просит весь народ, уставший от пережитой революции. Во-вторых, идея порядка прекрасно компенсирует отсутствие других идей, наведение порядка легко заменяет любую работу. Но что такое порядок?

Образы порядка у разных наций и разных людей — разные, сформированные историей этих наций и биографией этих людей. Что для американцев — порядок (суд над президентом за невинные сексуальные шалости, и изнурительная тяжба из-за нескольких сотен избирательных бюллетеней), то для нас — сумасшествие. Наш образ порядка дан нашей историей теми двумя империями, у которых Путин позаимствовал символику и инвариантные элементы которых он стремится воссоздать в третий раз. Чем жестче подчинение авторитарному властителю и чем слабее зависимость, подчиненность этого властителя кому бы то ни было (народу, партии, сословию) — тем больше порядка. Этот же образ подсказан и личным опытом нашего президента — выходца из организации, осуществлявшей охрану власти от общества. Поэтому путинский курс выглядит совершенно естественным и в своей естественности даже «неинтересным».

Но эта же естественность под иным углом зрения может предстать чем-то вроде рока античной трагедии, как действие каких-то таинственных сил. В политической банальности мы можем увидеть воплощение древнего мифа. В самом деле, на путь восстановления традиционных для России и совершенно не «европейских» форм жизни вступает общество, которое совсем недавно стремилось, от этих форм уйти и стать «нормальной европейской страной». Более

того, мы и сейчас от этого стремления «к Европе» не отказались, и многие сторонники Путина до сих пор верят, что именно этим путем мы туда и придем. Возникает образ какой-то потусторонней силы, которая водит нас по кругу. Как в анекдоте об оружейном заводе, который как не конверсируй, а всё равно получается пулемет.

При этом все вроде бы знают: путь, на который мы встали, Россия проходила уже дважды, и оба раза он приводил её к краху. Все то, что сейчас стремится воссоздать Путин, в Российской империи и СССР было с избытком. «Вертикаль власти» при царях и генсеках была такой, какой не будет уже никогда. Никакие представители президента не создадут того великого единообразия и централизма, которые были до Горбачёва, когда от пустынь Туркмении до Чукотки были одни и те же райкомы, райисполкомы, профкомы и управления КГБ, беспрекословно подчинявшиеся Москве. И контроля над СМИ такого не будет, не говоря уже о контроле над экономикой. И как Путин никогда не сможет достичь той власти, которая была у его предшественников, так и российское государство никогда не достигнет той мощи, какая была у него раньше. Государства, созданные монархами и генсеками, были великими государствами. Величие царской империи — это было действительно величие России. Величие СССР — уже скорее величие идеологии, в которую верили и английские лорды, добровольно становившиеся советскими шпионами, и африканские племена, а не России. Но теперешняя РФ — это относительно маломощная страна, окруженная успешно развивающимися гигантами. Третье движение по тому же пути совершается страной и народом, значительно уменьшившимися в размерах, уставшими и ослабевшими, надорвавшимися в предыдущих попытках. И ясно, что третий поход обречён на ещё более скорый и сокрушительный провал.

Что же вновь влечет нас на пугь, который идет явно не туда, куда нам хотелось бы прийти? Какой леший водит нас меж трех сосен? Имя этой «нечистой силы» — привычка. Всегда легче, удобнее идти по уже хоженной дороге. Рынок, выборы, свобода СМИ — все это очень трудно для нас, все это у нас никак не получается. И наоборот, голосование за того, на кого указало начальство, цензура, вечно правящая партия с ее молодежной и детской организациями, звуки знакомого гимна, гарантированный минимум житейских благ — это привычно, это получается само собой, без каких-либо усилий.

В легенде о Сизифе не сказано, каким образом боги заставляли этого каторжника вновь и вновь катить в гору постоянно срывающийся камень. Не исключено, что Сизиф просто не видел для себя иного пути и иного занятия. Идти для него значило идти в гору, трудиться — тащить в эту гору камень.

Если задуматься, то и в образе нашего президента есть нечто «мифологическое». Более сильный и яркий Ельцин — значительно проще. Это человек, чьей высшей целью была власть. Для Путина же власть — нечаянный подарок судьбы, а не приз за чудовищную волю к победе. Это человек, по-видимому, честно, серьезно и по призванию работавший в КГБ. В его годы эта организация еще обладала немислимыми ресурсами, она следила за всем, знала все обо всех. Но с точки зрения выполнения своей главной задачи охраны СССР и соцлагеря — вся эта громадная и для многих самозабвенная деятельность обнаружила свою абсолютную бессмысленность. Где-то в 1990 г. честный и умный работник КГБ должен был осознать, что жизнь прошла впустую. Рухнуло всё, чему он служил. Более того, его усилия по предотвращению этого краха были абсолютно напрасны. Если бы штат КГБ был в три раза больше и его сотрудники работали в три раза лучше, финал был бы тот же самый или еще хуже. В ГДР, где работал Путин, со «Штази» сотрудничала чуть ли не треть населения, но Берлинская стена все равно пала. Осознавший это человек должен был прийти к

глубокому душевному кризису. Мы ничего не знаем про «невидимые миру слёзы» нашего президента. Но, судя по всему, их было пролито не так уж много. Человек не спился, не покончил жизнь самоубийством. Он вышел из КПСС, записался в демократы, стал регулярно посещать церковь. Но при этом он и на новых постах старался восстановить те же отношения власти (в конце концов ставшей его личной властью) и общества, которые были знакомы ему по жизни. Он с любовью вспоминает годы работы в КГБ, охотно опирается на своих старых коллег. Его образ порядка — это образ именно того порядка, который рухнул. Сизиф отряхнулся и, недолго думая, тут же покатил свой камень. Другой работы и другой дороги он не знает. И в этом Путин — действительно народный президент, символ России.

Обреченность сизифовой работы не означает, что самого Путина ждет личный крах и трагический конец (хотя конец всех авторитарных властителей всегда в какой-то мере трагичен). Наш нынешний президент относительно молод и здоров, может царствовать долго и уйти с ощущением, что камень уже почти на вершине горы. Но народы живут дольше своих правителей, и, ведомый Путиным и одновременно — ведущий его, подсказывающий ему путь, народ обязательно увидит камень летящим вниз. И что после его падения останется на дне воронки — бог знает.